

© 1993 г.

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ

М.Я. ОСТРОГОРСКИЙ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В XX ВЕКЕ. Ч. II*

МЕДУШЕВСКИЙ Андрей Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории РАН. Наш постоянный автор.

Согласно современной политической социологии¹, единым управленческим центром политического процесса является ядро партийной организации, которое обеспечивает единство действий всей партии по завоеванию определенного статуса в обществе. Это ядро (или кокус), формирующееся в ходе избирательной кампании, отнюдь не сводится к формальной партийной иерархии избирательных участков и вышестоящих структур, но представляет собой группу людей, объединенных единой стратегией поведения в обществе и предпринимающих для этого целенаправленные усилия². Данный феномен особенно характерен для революционных партий, по существу подчиняющих свою деятельность одной цели — сделать революцию возможной. Они выступают, с одной стороны, в качестве направляющей стратегической силы общества, инструмента идеологической мобилизации и революционной агитации, а с другой — оказываются вынужденными постоянно защищать революционный импульс от покушений контрреволюционных сил³. В соответствии с этим видоизменяются их инфраструктура и способы функционирования. Решающее значение приобретает партийный авангард, стабилизирующийся затем в жестко ограниченный от остальной массы партийцев кокус. В современной литературе мы находим и другой, нестандартный подход к проблеме кокуса. Гений массовой партийной демократии, получивший развитие в XX веке, отмечает американский ученый Р. Катц, позволил средним гражданам общества, объединившись, добиться того, что они не могли получить по одиночке — благосостояния и влияния в обществе. Система выборов и других форм участия масс в политике, о которой Острогорский мог только мечтать, сделала партии более зависимыми от общественного контроля и заставила политиков считаться с настроениями людей. Казалось бы, тем самым решается проблема кокуса, который, хотя и продолжает существовать, становится уже не столь автономным и независимым от общества и партии, которой он руководит. Однако, как показывает Катц, кокус возрождается снова в новом обличий — системе внутрипартийных фракций, которые весьма напоминают «кокусные партии начала XIX столетия, в которых общественный контроль был более чем сомнителен»⁴. Деятельность партийных фракций в отношении других партий носит поэтому часто тот характер, который был свойствен политической борьбе эпохи допартийной демократии. Контроль над деятельностью фракционных кокусов со стороны общества затрудняется нежеланием профессиональных политиков уменьшить шансы своей партии на выборах, ее финансовые возможности или каналы влияния в правительственных сферах, популярность у избирателей. В ходе соревнования партия на выборах происходит мобилизация их ресурсов, оптимизация и рационализация структуры и функции. В этих условиях решающее значение имеет ориентация партийной элиты, способность центрального кокуса предотвратить центробежные тенденции.

* *Окончание.* Начало см. в № 8, 1992.

Проследившая анатомию политических партий. Острогорский обращает внимание на то, что с образованием кокуса процесс концентрации власти и бюрократизации не останавливается, но идет значительно дальше. Поскольку исполнительный комитет чересчур многочислен, чтобы действовать, в его среде образуется «интимный кружок», концентрирующий всю власть. Особое значение имеют два лица, которые являются столпами храма: генеральный секретарь и президент ассоциации. Наиболее существенна роль первого из них: он направляет секретарей кварталов, контролирует их деятельность, организует демонстрации, собрания и митинги, получает информацию и дает инструкции, регулирует повседневную работу партийных комитетов. Механизм воздействия на депутатскую деятельность в парламенте стал предметом специального рассмотрения ученого, показавшего, каким образом неформальный центр и его эмиссары контролируют парламентские функции. Неизбежная при этом эволюция в направлении бюрократизации выступает таким образом в качестве общей тенденции развития партий, ведет к их моральной деградации. Процесс этот прослеживается на материале стран классической западной демократии, прежде всего Великобритании и Соединенных Штатов. В США, в частности, ученый обращается к анализу деятельности двух основных партий — республиканской и демократической. Интересно, что уже тогда Острогорский увидел связь ускорения консолидации власти с развитием средств сообщения и информации. В этом он является предшественником многих системных подходов в политологии, развиваемых в настоящее время структурно-функциональным направлением. Он подчеркивал, что, опираясь на необычайное развитие железнодорожной и телеграфной сетей, усилившаяся централизация крепче связала между собою различные части организации и укрепила связь партии с ее членами. Неизбежным следствием этого, однако, явилось то, что жизнь организации больше чем когда-либо была лишена непосредственности и искренности. В политической практике Соединенных Штатов кокус, как неограниченная власть маленькой группы дельцов, играл особенно большую роль, и сам термин стал применяться в демократической системе организации партий, вошел в политический язык эпохи. Но уже тогда он стал вытесняться другим не менее выразительным термином — машины, получившим широкое распространение. В США, в отличие от Великобритании, большое распространение в политической жизни получила коррупция всякого рода, как средство регулирования отношений внутри элиты. Острогорский подробно останавливается на примерах этой коррупции, раскрытие которой явилось причиной политических скандалов. Среди них фигурируют подтасовка выборов, подкуп избирателей, разграбление государственной казны, подкуп прессы и т.д. Особенно важно описание неформальных каналов влияния тех или иных групп, как-то: лоббизм, инфильтрация своих людей в центральные и местные органы власти, боссизм. Останавливается он и на таком явлении, как перераспределение должностей победившей партии, трактуя ее как вознаграждение сторонникам и активным помощникам партии по мере их вклада в поддержку ее избирательной кампании. Становится ясно, что все те явления, которые Р. Миллз открыл в современной американской властвующей элите, имеют достаточно крепкие корни в прошлом страны⁵. Анализ Острогорского, основанный главным образом на английском и американском вариантах политических систем, создал в то же время первые элементы подлинной социологии политических организаций.

В современной западной науке выдвинутую Острогорским концепцию образования кокуса часто рассматривают как специфический вариант отношений общества и политической власти, который в принципе может быть интерпретирован в рамках более общей теории властвующей элиты. Для такого подхода, несомненно, есть основания, хотя, как мы увидим в дальнейшем, их не следует абсолютизировать. Прежде всего теория элиты, являющаяся, на наш взгляд, одним из важнейших (если не самым важным) открытием политической социологии конца XIX — начала XX веков, сформировалась как раз в то время, когда проводил свои исследования Острогорский, и вполне могла в известной мере повлиять на него. Далее, ее основные представители

Г. Моска, В. Парето и Р. Михельс выступили именно в тех странах (Италия и Германия), где, подобно России, всего острее стояли проблемы соотношения

демократии и тирании в новых условиях быстрой трансформации традиционных институтов⁶. Наконец, в центре внимания названных мыслителей, как и Острогорского, неслучайно оказывались проблемы социологии политических партий, которые стали наиболее важными в преддверии установления в этих странах тоталитарных однопартийных режимов. Обратимся к более полному сопоставлению взглядов этих мыслителей и Острогорского. Еще в начале 80-х годов прошлого века, когда Моска завершил труд о парламентском правлении, политическая социология получила свое основание в особом учении о власти⁷. Моска впервые констатировал непреложный социальный закон: существование во всяком обществе (независимо от времени и места его развития) фундаментального разделения на два политических класса. Первый из них представляет собой правящий класс, который всегда составляет меньшинство общества, выполняющее все политические функции, монополизирующее власть, а также те блага и преимущества, которые она дает. Второй, более многочисленный класс, контролируется и направляется первым путем, который носит более или менее насильственный (или правовой) характер. Данная теория покоилась на том логическом основании, что массы или большинство населения могут управлять не иначе, как выделив из своей среды организованное меньшинство — привилегированный слой или, по терминологии Моски, «социальную элиту». В условиях парламентаризма этот процесс отделения правящего меньшинства от управляемого большинства происходит во время выборов в какое-либо учреждение. Таким образом, демократия в чистом виде (т.е. как правление всего народа) вообще невозможна и представляет собой миф, не имеющий ничего общего с реальностью политической жизни. В свою очередь и правящий класс не остается совершенно монолитным. В процессе реализации им своих функций управления происходит дальнейшая концентрация власти. Она выражается в подразделении правящего класса, собственно, на два слоя — очень маленькую группу высших лидеров, которые распределяют между собой ключевые позиции в обществе, и значительно более широкую группу вторых фигур, которые составляют как бы средний класс общества и занимаются текущими вопросами управления. От подготовленности, культурности, социальной активности и политической гибкости правящего класса (особенно его основной массы — средних слоев) и зависит в конечном счете судьба данного общества в целом, а также его место в истории. Эта роль правящего класса выражается всего полнее в идеологии общества, по словам Моски, «политической формуле», которая, несмотря на различия своего характера в разных обществах (где она может иметь религиозный или светский характер), повсюду имеет одно функциональное назначение — обоснование легитимности правящего класса⁸. Невзирая, однако, на общую пессимистическую направленность учения итальянского мыслителя, ставившего под вопрос возможность существования демократии в принципе, он в своих политических трудах выступал скорее сторонником плюралистического общества, парламентской системы правления и принципа разделения властей, считая демократию высшей формой правления в истории Европы⁹. Существенно иную интерпретацию теории элиты находим у последующих мыслителей, в частности, Парето. Исходя в своей социологической доктрине из той же парадигмы, что и Моска, и в этом отношении развивая его взгляды, Парето в то же время дает более динамичную и четко стратифицированную концепцию элиты¹⁰. Тот факт, что индивиды, составляющие общество, различаются между собой по многим параметрам, составляет основу социальной стратификации по этим направлениям. Используя специальную шкалу признаков, можно выделить далее тех людей, которые достигли наибольшего успеха в определенной области. Они и составляют элитные группы общества (политическую, экономическую, военную, артистическую и т.д.). Наибольшее значение среди них имеет властвующая элита, определяющая преимущественно характер общества. Согласно Парето, элита любого общества не является статичной: напротив, ее структура, композиция, отношения с обществом находятся в постоянном изменении. На этом основан принципиальный вывод Парето — концепция циркуляции элит, имевшая существенное значение для социологии политических партий. С изменением условий развития общества в ходе

истории элита также должна трансформироваться за счет пересмотра своей структуры, принципов функционирования и включения в свой состав представителей новых социальных типов. Если элита носит открытый характер (подобно рынку при капитализме), т.е. по мере необходимости вбирает в себя наиболее талантливых людей из других слоев общества, то и само общество имеет более динамичный характер, автоматически исправляя допущенные ошибки. Напротив, закрытый характер, не допускающий (как, например, в случае господства аристократического принципа) в свой состав новых людей, ведет в конечном счете к дегенерализации элиты и ее свержению в ходе социальной революции. Двум типам элит соответствуют два основных типа лидеров, которых Парето образно называет лисами (отличающимися большей хитростью, гибкостью и склонностью к ненасильственным, рациональным способам управления, основанным на здравом смысле, а также отсутствием приверженности традиционным институтам и представлениям) и львами, которые более консервативны, опираются главным образом на насилие и склонны к традиции. Оптимальный вариант Парето усматривает в смешанном виде элиты, характеризующемся господством лис, которое однако для массового сознания предстает как господство львов. Балансирование между двумя этими принципами составляет основу здорового общества. Взгляды Парето привели его в стан принципиальных противников демократии и сделали сторонником итальянских фашистов. Суммируя взгляды сторонников теории элиты на роль политического руководства, можно отметить в целом ее антидемократический характер. Для понимания политического процесса наиболее важным оказывается разделение между массами и правящим классом или даже еще более узкой элитой. При этом (несмотря на некоторые нюансы) для сторонников теории элиты характерен весьма романтический, в стиле Карлейля, Ницше или Михайловского взгляд на массы и вождей, толпу и героев, согласно которому лишь эти критически мыслящие личности имеют существенное значение для истории. При такой логике политическая наука является прежде всего изучением элиты, ее состава, структуры, способов отношений с неэлитной частью общества. Первая и главная цель всякой элиты, как думал еще Маккиавелли, состоит в удержании своей собственной власти и привилегий. Власть элиты основана на силе и обмане, более или менее скрытых и проявляющихся с течением времени. Борьба за власть, во всяком случае, предполагает создание и эффективное использование инструментов захвата и удержания власти. В новейшее время таким инструментом становятся политические партии. Однако, применение теории элиты при разработке социологии политических партий приводило исследователей не только к сходным наблюдениям, но и к противоположным выводам. Примером этому может служить сравнение воззрений немецкого ученого Р. Михельса и М. Острогорского.

Как известно, теория Острогорского была положена Михельсом в основу его концепции политических партий, однако претерпела в ней существенную трансформацию, будучи синтезирована со взглядами М. Вебера и учением об элите Г. Моски и В. Парето. Кроме того, круг его наблюдений был существенно отличен от того, который позволил Острогорскому сформулировать его теорию. В результате Михельс пришел к еще более радикальной критике демократии и стал последовательным сторонником однопартийного диктаторского режима. Сам Р. Михельс родился в семье богатого торговца в Кельне, получил образование в Германии, Франции, Италии, а потому являлся представителем смешанной романо-германской культуры, имел, как и Острогорский, хорошие возможности для сравнительных исследований¹¹. Но в отличие от последнего, Михельс, активно участвуя в начале XX века в социалистическом движении, отдает предпочтение этому направлению, а не либерализму. Он сближается, в частности, с представителями революционного синдикализма — А. Лабриолой, Ж. Сорелем и Х. Лагарделлем¹². В 1901 г. он стал членом итальянской социалистической партии и одновременно — профессором различных университетов Германии и Италии. Отсюда его тесные контакты как с германской (М. Вебер), так и с итальянской (В. Парето) научной мыслью. Книга

Острогорского во многом стимулировала его интерес к социологии политических партий, а отчасти обусловила и характер общего подхода, тем более что этого требовала практическая политическая деятельность мыслителя. Еще в Германии у Михельса возникли расхождения с центральным руководством германской социалистической партии (в частности, с А. Бебелем), что в определенной мере объясняет критическое отношение к ней, а также последующую сложную эволюцию его взглядов, приведшую в конце концов к сближению с итальянскими фашистами. Главный его труд — «К социологии партий в современной демократии» (1910) посвящен непосредственно проблеме олигархических тенденций в массовых партиях нового типа¹³. Концепция Михельса исходит из того, что демократия в современном обществе находится в состоянии глубокого кризиса. Более того, он считает, что демократия вообще есть нереальный и недостижимый идеал. Это вызвано не только теми внешними препятствиями, которые связаны с положением демократических институтов в обществе, но и особенностями самого механизма ее развития. Вслед за Острогорским Михельс обосновал новый подход к социологии политических партий, представляющий собой систематическое наблюдение за изменением их структуры, внутренней иерархии и способов функционирования в обществе. Это определило, в частности, ренессанс взглядов Михельса в современной западной (как англо-американской, так и германской, французской) социологии, появление новых трудов о нем и сравнение его идей с теми, которые ведут начало от Острогорского и Вебера¹⁴. Главной проблемой был для Михельса вопрос об отношении массовых движений и тех социал-демократических и вообще революционных партий, которые выдвигают своей целью представительство их интересов. Основное противоречие при этом Михельс усматривает в том же, в чем и Острогорский (открывший его, однако, на материале другого типа политических организаций — демократических партий). Оно состоит в том, что, выдвигая своей целью борьбу с неравенством, такими его проявлениями, как аристократизм или олигархизм (чего вовсе не делают буржуазно-либеральные партии), революционные партии в своей внутренней структуре воспроизводят как раз эту тенденцию, причем еще более определенно, чем те партии, с которыми они борются. Ключевым при анализе этой тенденции становится для Михельса (как и для Острогорского) понятие организации как единственно возможной формы эффективной деятельности любой социальной силы, преследующей определенную цель. Функционирование всякой организации в свою очередь также подчинено ее внутренним законам. К таким организациям Михельс относит прежде всего политические партии, а также некоторые другие общественные организации (например, профсоюзы). Именно на их материале Михельс, наряду с Острогорским, и сформулировал основные принципы социологии формальных организаций, ставшей (во многом благодаря Веберу) одним из центральных направлений современной науки¹⁵. Под влиянием внешних условий и вытекающей из них необходимости оптимизации структуры и функций, экономии ресурсов, организация испытывает последовательный ряд перестроек, направленных на повышение ее действенности и конкурентоспособности. Следствием этого и становится тенденция перехода от демократического ее устройства к иерархическому выделению особого профессионального руководящего слоя — олигархии, который сосредоточивает власть и управление в своих руках. Закономерность этой тенденции подчеркивается основным выводом исследования Михельса — тезисом о существовании «железного закона олигархии»¹⁶. Данный вывод вполне соотносится с представлениями Острогорского о превращении политической партии единомышленников в машину управляемую кокусом или партийной элитой. Анализируя далее природу власти этого типа, Михельс сходным образом обращает внимание на центральный вопрос — отношения масс и вождей. Расслоение некогда однородной и единой массы участников движения на руководящее меньшинство и руководимое большинство ученый считал объективной неизбежностью всякой организации. Кто говорит об организации, — отмечал он, — подразумевает тенденцию к олигархии. В самой сущности организации заключается тяга к аристократизму. Чем более развитой структурой обладает организация, тем более существенные изменения

происходят в отношении вождей и масс. Логика развития социальной структуры превращает исходные, демократические в своей основе отношения в их противоположность. Михельс выводит даже своего рода правило о том, что рост власти вождя пропорционален степени развития организации. Различия в степени вождей, которые можно наблюдать в отдельных партиях или профсоюзах разных стран, объясняются в конечном счете уровнем их организационного развития. Во многом развивая наблюдения Острогорского, Михельс анализирует процесс создания партийного аппарата, бюрократизацию его структур, характер власти вождя. Однако в отличие от русского ученого он пришел к совершенно однозначному выводу о невозможности демократии в принципе, неизбежном превращении всякой демократии в тиранию. Сравнение их взглядов показывает, на наш взгляд, не столько сходство, сколько различие выводов мыслителей. Действительно, констатировав однозначно объективный факт новой эпохи — появление политических партий и устойчивую тенденцию к их олигархизации, они пошли далее совершенно различными путями. Михельс стал фактически одним из апологетов этой тенденции, приняв ее не только как неизбежное зло, но и как желательное направление изменений. Что же касается Острогорского, который в соответствии с либеральной традицией воспринимал эту закономерность как исключительно опасную для общества, то его интересовал главным образом вопрос о том, как можно парализовать или вообще прекратить ее действие.

Важно в этом отношении отметить, что те основные аргументы, которые политическая наука XX века в разное время выдвигала против учения об элите, и, в частности, против концепции Михельса, во многом восходят к Острогорскому или являются развитием его взглядов. В современной литературе, в частности, встречаем следующие три аргумента против понимания «железного закона олигархии». Во-первых, считают критики, Михельсом и его последователями не определены природа и движущая сила процесса олигархизации; во-вторых, основные рассматриваемые категории (вождь, масса, организация) изучены слишком абстрактно, внеисторически; в-третьих, (и это самое главное) многое зависит от трактовки самого понятия демократии. Так, те черты организации (иерархия, формализация отношений, функциональная специализация), которые Михельс трактовал как критерии олигархизации, могут рассматриваться и с противоположной точки зрения — как критерии развития и рационализации демократии. Это же относится к специализации и разделению труда, которые возможны и при демократии в тех случаях, когда бюрократия выполняет функции связующего звена между местными, региональными и центральными партийными группами. В современной науке поэтому преобладает иная, нежели у Михельса, трактовка железного закона олигархии, понимаемого скорее как некоторая объективная тенденция, имеющая вероятностный характер¹⁷. Наиболее подробное рассмотрение этой проблематики находим в трудах крупного французского либерального мыслителя Р. Арона, который в этом отношении продолжал традицию Острогорского. В его работах по социальной стратификации можно найти своеобразную интерпретацию теории элиты с неолиберальных позиций. По его мнению, теория элиты Моски и Парето сыграла в социологии XX века положительную роль в двух отношениях. С одной стороны, она дала критику формальной демократии, с другой — разоблачила миф об общей воле, одной из модификаций которого является учение о диктатуре пролетариата. Странникам первой она продемонстрировала железный закон олигархии, а приверженцам второй — напомнила о постоянстве существования власти и политики, невозможности существования общества без власти и полного размывания границ между обществом и государством¹⁸. Констатировав этот бесспорный тезис, Арон задается более сложной проблемой: насколько совместима теория элиты с демократией. Для ответа на него он предлагает своеобразный синтез учения Маркса и теории элиты Парето по вопросу о природе высшего класса. При этом вопреки тому, как использовали основные ключевые понятия их создатели, Арон дает и свою интерпретацию. Он различает, собственно, три понятия — элита, политический класс и правящий класс (*elite*, *classe politique*, *classe dirigeante*), причем каждое из них не только имеет отличный от предыдущего смысл, но и охватывает

различные и последовательно сужающиеся по мере приближения к кормилу власти реальные социальные группы. Элита представляет собой наиболее широкое понятие: оно объединяет всех тех, кто в различных областях деятельности достиг высоких ступеней иерархии, занимает привилегированное положение, дающее статус, престиж и благосостояние. Политический класс охватывает гораздо более узкое меньшинство, которое непосредственно осуществляет политические и правительственные функции. Наконец, правящий класс располагается между элитой и политическим классом. В него входят те привилегированные элементы, которые, не выполняя собственно политических функций, не могут, однако, уже в силу своего положения (морального авторитета, экономического и финансового могущества в обществе и т.д.) не оказать влияния на тех, кто правит, и тех, кем правят¹⁹. Анализируя далее анатомию этих слоев, ученый специально останавливается на неоднозначности (а порой и противоречивости) их интересов, являющихся источником конфликтов и борьбы между ними. Эта постоянная борьба элитных групп современного западного общества между собой не позволяет им сконцентрироваться в одну монолитную элиту типа той, которая существует в тоталитарных обществах и организуется особенно концентрированно в однопартийных режимах. Решающее значение имеют при этом отношения между двумя слоями — политическим классом и правящим классом. Они в сущности регулируют отношения между обществом (в лице его наиболее привилегированной и влиятельной части) и политической властью (в лице того меньшинства, которое непосредственно занимается ее реализацией). В этой перспективе проясняется различие между демократическим и тоталитарным режимами: оба они имеют правящий класс (или власть имущее меньшинство), однако возможность его контроля со стороны политического класса (или выдающихся сил общества) есть только в демократическом обществе. А это, в свою очередь, значит, что железный закон олигархии Михельса не является таким уж неизбежным, его действие, если и не может быть прекращено полностью, то по крайней мере в известной степени поставлено под общественный контроль. Плюрализация элит, следовательно, является условием сохранения демократии в современном обществе. К этому выводу Острогорский пришел одним из первых в политической мысли новейшего времени.

Острогорский (в отличие, например, от Михельса) не ограничился анализом механизма политической партии и его функционирования, ведущего к генезису бюрократии. В этом смысле он пошел значительно дальше других политологов своего времени, стремясь анализировать данный феномен в его отношении к глобальной политической системе, предложить выход из кризисной ситуации. Важным положением становится для него отрицание самого принципа, по которому шло разделение общества на две противостоящие друг другу постоянные политические партии. Он иронически называл такие партии «омнибусами», обвиняя их в претензии дать ответ на все вопросы, стоящие перед обществом. Они предстают как своего рода интегральные ассоциации, причём раскол общества на борющиеся партии ведет к тому, что в центре оказываются проблемы, являющиеся предметом разногласий между ними. При этом целая гамма других, и возможно в большей степени поддающихся решению проблем отодвигается на задний план. В ходе политической борьбы происходит нивелирование, обобщение, стирание разнообразия и богатства внутри каждого из противоборствующих друг с другом лагерей. Острогорский подчеркивал, что в реальном обществе нет универсальных расколов, и что все конфликты отнюдь не сводятся к единой формуле. В этом отношении он формулировал тот подход к анализу социальных противоречий, который, благодаря Э. Дюркгейму и Г. Зиммелю составил основу современной социологии конфликта. Во всяком случае современная наука также исходит из представления о множественности конфликтов (которые в принципе возникают по всем линиям социальной стратификации) и возможности, исходя из этого, их перекрещивания, наложения друга на друга, ведущего в плюралистическом обществе к их выявлению, институционализации, взаимному ослаблению и затуханию²⁰. Обратная ситуация возникает в обществе с жесткой структурой и авторитарной властью, стремящейся не столько к преодолению противоречий, сколько к

их консервации, замораживанию, как правило, путем насилия и принудительного государственного регулирования социальных отношений. С этой точки зрения следует признать, что Острогорский вполне основательно предостерегал общество от создания партий-монополистов, не только не помогающих разрешению имеющихся противоречий, но фактически концентрирующих их в рамках единой достаточно примитивной структуры, следствием чего может стать лишь их усиление.

Фундаментальным недостатком политической системы парламентской демократии Острогорский считает отчуждение общества от управления и государственной власти. Он показал, каким образом при наличии избирательного права основная масса населения вытесняется тем не менее из активной политической жизни, становится объектом манипулирования со стороны партийной элиты — кокуса. Особенно опасными для общества в целом, считает он, являются такие последствия этой практики, как отчуждение общества от политической жизни, разрыв между политикой и моралью, формирование конформистского сознания и гражданской индифферентности. Ликвидация всех этих опасных тенденций составляет главную цель автора «Демократии и политических партий». Большое место в этом труде занимает поэтому обоснование позитивной программы выхода из тупика партийной системы власти. Основные положения политической программы Острогорского могут быть суммарно изложены в следующем виде. Прежде всего следует преодолеть распространенный стереотип восприятия общества как изначально расколотого одним основным конфликтом на две непримиримые части. Напротив, в обществе существует многообразие противоречий, конфликтов и интересов, которые перекрещиваются между собой в различных сочетаниях. Поэтому следует отказаться от политических партий старого типа, противостоящих друг другу в борьбе за власть и влияние на общество, имеющих постоянную структуру и организацию. Опасным следствием этого противоборства он считает отчуждение от политической жизни большей части населения и формирование кокуса. На месте этих партий с жесткой организацией должны быть, по его мнению, поставлены свободные общественные ассоциации, движения, лиги и т.п., ставящие перед собой более конкретные и выполнимые задачи разного рода, причем участие в одной из них не должно исключать участия в других, так, чтобы два человека, оказавшиеся противниками по одному вопросу, стали затем союзниками по другому. Речь идет о том, что современная политология обозначает интегрирующим понятием «политическое участие», т.е. те способы, которыми реализуются интересы, желания и требования обычных граждан²¹. Сюда относится прежде всего та деятельность частных лиц, которая более или менее непосредственно направлена на то, чтобы повлиять на выбор правительственного персонала и решения, которые он принимает. Современная политология выделяет, в частности, следующие основные проявления политического участия — голосование, деятельность в ходе избирательных кампаний, контакты, устанавливаемые по инициативе самих граждан и кооперативная деятельность²². С появлением и развитием подобного рода общественных ассоциаций Острогорский связывал большое будущее. Участие в таких подвижных политических образованиях должно, по его мнению, явиться мощным стимулом для подъема общественного сознания и индивидуальной ответственности граждан, роста их моральной свободы. Очень важным в этой связи представляется Острогорскому переосмысление известной теории Руссо об «общей воле» или суверенитете народа как простом большинстве. Следствием практической реализации этого представления стал мистический страх индивида перед большинством голосов, невозможность противопоставить ему свое собственное индивидуальное мнение. Общая воля не должна поэтому рассматриваться как нечто единое и постоянное, существующее вне времени и пространства. Мнение народа, по Острогорскому, есть живое воплощение реальных, меняющихся, высказываемых по разным поводам убеждений. Высвобождение сознания от этого мистифицированного образа «общей воли» — чрезвычайно важная степень развития политической культуры. Эти мысли Острогорского развивают политическую философию либерализма, в частности, Д.С. Милля. Истинная демократия, считал он, возможна лишь при отказе общества от тирании большинства,

навязывании им своих взглядов остальной части населения, обеспечении интересов и представительства тех групп, которые сегодня оказались в меньшинстве, но могут стать большинством при других обстоятельствах²³. Современным выражением этого принципа является в определенной мере плюрализм общественных движений и индивидуальных мнений.

Существующие политические партии видят основную цель своей деятельности в борьбе за власть, завоевании парламентского большинства. С этой целью они идут на унификацию мнений внутри партии, установление в ней жесткой дисциплины и отсечение инакомыслящих. Это ведет к запрограммированности поведения депутатов определенной фракции в парламенте, которые становятся не столько выразителями мнения своих избирателей, народа, сколько рупором партийной идеологии. Острогорский предлагает поэтому отказаться от выдвижения депутатов по признаку принадлежности к определенной партии (выборы «списком») и практиковать выдвижение их от различных общественных движений, более гибко выражающих разнообразные интересы населения. Жесткая связь между принадлежностью к определенной партии и деятельностью в парламенте имеет, как показывает ученый, ряд негативных следствий. С одной стороны, практически нивелируется личная ответственность за порученную работу, с другой — потеря партией своего ведущего положения ведет к отставке тех министров, которые вполне профессионально выполняли свои обязанности. Острогорский предлагает поэтому отказаться от принципа коллективной партийной ответственности, ведущей к отставке кабинета, и заменить его индивидуальной ответственностью министров и депутатов. Это тем более важно, считает он, потому что личная компетентность, профессионализм, принципиальность и другие индивидуальные качества играют в сфере управления огромную роль. Острогорский с большой надеждой отмечает, что предрассудок о способности любого или первого встречного управлять страной начинает наконец изживаться. Анализируя в основном политический механизм западной демократии, Острогорский ясно представлял себе специфику русской общественной жизни его времени. Отмечая, что Россия или даже Германия находятся на низшей или промежуточной стадии политического прогресса (по сравнению с западноевропейскими странами), в силу чего перед ними стоят другие задачи, он и здесь видит главный путь прогресса в гражданском просвещении, развитии общественной жизни, правовой культуры населения. «Задача, которую нужно выполнить, — говорит он, — колоссальна: надо вернуть гражданину власть над государством и восстановить действительные цели этого государства; надо уничтожить разделение между обществом и политической жизнью и аннулировать разрыв между политикой и моралью; нужно, чтобы гражданская индифферентность уступила место бодрому и бдительному общественному сознанию; нужно, чтобы сознание гражданина было освобождено от формализма, который его поработил, чтобы избиратели и высшие обладатели власти подчинили свою политическую деятельность существу дела, а не условности фраз; нужно, чтобы превосходство характера и ума, иначе говоря, истинное управление лидеров, вытесненное политическим машинизмом, было восстановлено в своем праве возглавлять собою управление республики; в политическом обществе необходимо восстановить авторитет так же, как и свободу, узурпированную людьми, которые торгуют общественным благом под флагом партии и именем демократии»²⁴.

Таким образом, основная магистральная идея творчества Острогорского состояла в отыскании путей возникшего в новое время разрыва между гражданским обществом и государством. Его сочинения, которые могли казаться долгое время несвоевременными, результатом кабинетной работы оторванного от жизни ученого, оказались важнейшим вкладом в политическую науку, во многом определив ее развитие в XX веке. Они особенно актуальны в нашей стране на исходе столетия, когда вновь встал вопрос о природе демократии и многопартийной системе. Успех развития по этому пути во многом определяется тем принципиальным заключением, которое можно вывести из сочинений Острогорского. Политическая жизнь не терпит вакуума власти. Если общество не выработало устойчивых механизмов социального регулирования и

контроля над властью, то возникает реальная угроза установления тирании меньшинства над большинством. Данная тенденция может стать реальностью в условиях резко возросшей роли политических партий и особенно тех из них, которые с самого начала задумывались и целенаправленно создавались как военизированные организации — инструменты завоевания и удержания власти. Благодаря своей структуре, идеологии, принципам организации и функционирования, а также использованию современной техники, эти партии превратились в машины, управляемые узкой группой вождей — партийной элитой (или кокусом), вся задача которых сводилась к захвату власти. Вот почему учение Острогорского так хорошо объясняет многие наиболее характерные черты тоталитарного государства XX века и вместе с тем намечает пути выхода из этого тупика. Основным из них становится замена закрытых партий тоталитарного типа широкими общественными движениями, объединенными конкретными целями. Важнейшей предпосылкой этого должен стать рост гражданского общества, отличающегося богатым спектром социальных отношений, противоречий и интересов. Развитие общей культуры населения, его социальной активности, выражающейся в появлении социальных структур различных типов и уровней, становится залогом грядущего торжества либеральной демократии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Political Parties of the World. London, 1980; A Comparative Study of Party Organization. Columbus, 1971. P. 73.
- 2 Schlesinger J.A. The Nucleus of Party Organization // A Comparative Study of Party Organization. Columbus, 1971. P. 55—56.
- 3 De Nardo J. Power in numbers: The political strategy of protest and rebellion. Princeton, 1985. P. 21—22.
- 4 Katz R.S. A Theory of Parties and Electoral Systems. Baltimore, 1980. P. 120.
- 5 Миллс П. Властвующая элита. М., 1958.
- 6 Burnham J. The Machiavellians. Defenders of Freedom. New York, 1943.
- 7 Mosca G. Element] di science politica. Torino, 1923.
- 8 Mosca G. Storia delle Dottrine Politiche. Bari, 1945. P. 10.
- 9 Albertoni E.A.. Mosca and the theory of elitism. Oxford, 1987.
- 10 Pareto V. Trattato di Sociologia Generale. Introduzione di Norberto Bobbio. Milano, 1964. V. 1—2; см. также французское издание книги: Pareto V. Traite de sociologie generale. Paris, 1917.
- 11 Pfetsch F.R. Einfuhrung in Person, Werk und Wirkung // Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Stuttgart, 1989. S. XYII—XXI.
- 12 Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 1911; Критику этих воззрений см.: Arendt H. Du mensonge a la violence: Essais de politique contemporaine. Paris, 1989. P. 134.
- 13 Michels R. Tat Soziologie des Partewesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen uber die oligarchischen Tendenzen des Grappenlebens. Stuttgart: Vierte Auflage, 1989.
- 14 Atti del Convegno su Roberto Michels nel 50 anniversario della morte // Annali di Sociologia. 1986. № 2.
- 15 Блау П.М. Исследования формальных организаций // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1971 С. 93—105.
- 16 Michels R. Op. cit. S. 25, 76, 346, 348—371.
- 17 Rohrich W. Politische Soziologie. Stuttgart, 1977; Особое значение эта проблематика приобретает, однако, для стран с нестабильным политическим процессом: Vega Garcia P. Estudios politico constitucionales. Mexico, 1980. P. 308.
- 18 Aron R. Etudes Sociologiques. Paris, 1988. P. 189.
- 19 Aron R. Classe sociale, classe politique, classe dirigeante // Ibid. P. 150.
- 20 Dahrendorf R. Conflict and Contract. Industrial Relations and the political Community in Times of Crisis. Liverpool, 1975.
- 21 Kweit M.G., Kweit R.W. Concepts and methods for political Analysis. New York, 1981. P. 76—77.
- 22 Verba S., Nie N.H., Jae-On Kim. The modes of Democratic Participation. A Cross-National Comparison. Beverly Hills, 1971. P. 9, 11.
- 23 Милль Дж. Ст. Представительное правление. СПб., 1907. Гл. УП «Об истинной и ложной демократии». С. 128.
- 24 Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1930. Т. 2. С. 274.